

Павел БЕССОНОВ

ПРОВИНЦИЯ

16+

@ЭЛИТА

Павел Бессонов
Провинция (сборник)

Электронное издательство "Аэлита"

2015

Бессонов П.

Провинция (сборник) / П. Бессонов — Электронное издательство "Аэлита", 2015

В сборнике «Провинция» представлены рассказы из жизни людей поселков, райцентров России и Украины. Это и пенсионеры с живой памятью Великой Отечественной войны и восстановления разрушенного, мужчины и женщины среднего поколения, устраивающие жизнь, семейные отношения и воспитание детей, молодые, увлеченные яркой рекламой зарубежья, торопящиеся получить от жизни всё и сразу, и другие, трезво оценивающие её сложности и радости. Попадая из провинции в большие города, они по-разному воспринимают особенности новой жизни, иногда стараясь приспособиться к новому укладу, чего бы это им ни стоило, иногда возвращаясь к привычному с детства укладу жизни в глубинке.

© Бессонов П., 2015
© Электронное издательство
"Аэлита", 2015

Содержание

Скамья во дворе	6
«Болис»	10
Витёк, Лена, Оксана	15
Возле лифта	19
Есть, о чём поговорить	21
Так будет легче	24
Своя норма	28
«Облом»	31
Тревожный голос	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Павел Бессонов

Провинция (сборник)

Скамья во дворе

Иван Фёдорович, посмотрев на наручные часы, хмыкнул весьма недовольно: пятнадцать минут седьмого, обычно он уже пятнадцать минут как сидел на скамье под развесистым деревом посередине двора, образованного тремя пятиэтажными домами и девятиэтажным колосом с населением без малого в тысячу душ.

Надев застиранную армейскую рубашку и серый берет, Фёдорыч, как все его звали во дворе, сообщив жене, что «пошёл», захлопнул за собой дверь. Поправив берет – чтобы шов шёл ровно над переносицей – и проверив наличие планок медалей над левым карманом рубашки, он вызвал лифт. Ивану Фёдоровичу уверенно шёл седьмой десяток, и он всем своим видом подтверждал этот почтенный возраст. Скамью, на которой он обычно восседал, Фёдорович соорудил сам, набив на кусок ствола спиленного по возрасту тополя пару досок, доставленных от ближней стройки мальчишками двора. Мальчишки эти давно выросли, обзавелись семьями или переехали, а скамья оставалась непоколебима, как и Фёдорыч, сидящий на ней. Биография Фёдорыча была не простой и делилась на «до» и «после».

До – это время, когда молодой парень из ближайшего к городу посёлка был призван в пограничные войска, отлично служил Родине, приезжал в отпуск к родителям в зелёной фуражке и кителе с зелёными погонами. Китель был густо усажен значками и перетянут ремнём с надраенной до солнечного сияния армейской бляхой.

Дела дома к концу службы Ивана вышли невесёлые. Старший брат попался на воровстве социумущества – а тогда за такое статья светила серьёзная, отец после ранений стал совсем плох. Может, кто-то после дембеля рванул бы домой, поднять хозяйство, но Иван рассудил по-другому и подал рапорт с просьбой принять его на учёбу в училище младших командиров, и в звании младший сержант внутренних войск начал карьеру в ведомости Комитета госбезопасности. Ему льстило внимание встречных, когда в новенькой форме с зелёными погонами, на которых виднелись знаки соответствующего уважаемого ведомства, проходил он по улицам города. Оглядывались на него и заглядывались, потому как гарнизона в городе этом не имелось, и военные присутствовали только как приезжие отпускники. Начальники его в форме по городу не ходили, и их офицерские шинели с соответствующими знаками различия хранились в шкафах и на вешалках служебных кабинетов. Служба протекала от конвойного до фельдъегеря, и так длилось бы неопределённо долго, если бы не «ЧП», а вернее, «прокол», после которого со службы прапорщика Ивана попросили, взяв с него соответствующую подписку о неразглашении. Началась жизнь «после».

Подписка придала Ивану в собственных глазах весомость и важность. На «гражданке» Иван сразу, как бывший служащий органов, коммунист, был принят на работу начальником отдела кадров небольшого заводика, где и проработал до самой перестройки.

Ещё один момент в жизни – женился Иван перед увольнением, и по совету начальников тщательно выяснил сведения о родственниках будущей жены, убедился в отсутствии порочащих связей. Жена вскорости родила ему дочь. Иван хотел сына. Заранее выбрал для него имя – Феликс, и хотя жена протестовала, стоял на своём. Но сын не родился. Дочь назвал Зоей, в честь Зои Космодемьянской.

Служба в органах и работа в кадрах приучила Ивана присматриваться и прислушиваться. Толстая общая тетрадь с солидным ледериновым переплётом была разграфлена, пронумерована, прошнурована, только не опечатана из-за отсутствия печати. Туда он заносил сведения о людях своего окружения.

Работа кадровиком Ивану нравилась. Она напоминала ему прошлую работу. То же знакомство с документами, неторопливая беседа с глазу на глаз с записью в разграфлённую книгу – кто же мог подумать, что книга эта неофициальная?

Выйдя на пенсию, Иван Фёдорович вскоре купил новую тетрадь, в её графы должны были попасть заслуги и грехи всех соседей по дому, на первый случай – по лестничной площадке второго этажа. Записи велись строго конфиденциально, и обе тетради хранились у Ивана в железном ящике, именуемым им сейфом. Свою пенсию Иван отдавал жене, и её расходы не контролировал. Ключ от сложного замка сейфа Иван хранил в замкнутом ящике письменного стола, ключик от которого лежал в его бумажнике, рядом с самыми важными документами. В сейфе этом лежал обёрнутый в плёнку его партбилет члена КПСС. Иван оставался верен догмам коммунизма, но в образовавшуюся новую компартию не вступил. Считал Иван, что жизнь он вёл по правильной линии, и только «прокол» выбил его из колеи. Собирая сведения об окружающих, Иван подсознательно полагал, что когда-то они будут востребованы. И сам он тоже.

Вслед за Иваном Фёдоровичем к заветной скамье подошёл и присел рядом Славик. Тщательно выбритое лицо его переливалось блесками на многочисленных складках и шрамах. Выпяченные, почти африканские губы его, как обычно, выглядели мокрыми, волнистые чёрные волосы тщательно расчёсаны. От него пахло спиртным. В узорчатой рубаше и строго наглаженных брюках Славик выглядел франтом. Славика Иван Фёдорович давно «вычислил», отнёс к категории людей, полезных обществу, хотя не без определённых натяжек.

– Привет, Фёдорыч! Можно, присяду? – блестя чёрными шариками из-под выступающих надбровий, весело, но с большой долей уважения обратился он к Ивану Фёдоровичу, садясь на лавку и подтягивая штанины. Длинноносые туфли и красочные носки завершали внешний портрет Казановы местного значения. Фёдорыч оглядел с лёгкой улыбкой Славика:

– Садись, садись... Места хватит.

– Фёдорыч! Сколько раз просил это слово заменять на «присаживайся». Не люблю я это слово...

– Ладно. В другой раз так скажу, если вспомню... Опять на танцуйки подался?

– А куда ещё бедному еврею податься? С понедельника новый заезд, не всех ещё разобрали новеньких.

– Охота тебе этих «новеньких» обхаживать? Нашёл бы себе приличную вдовушку, местную, да и жил бы поживал... Или девушку, постарше которая...

– Нет уж, это мы проходили! Хомут на шею добровольно не хочу!

Иван Фёдорович, ещё раз критически оглядев Славика, заметил:

– Не доведёт тебя эта свобода до добра, помяни моё слово.

– Не каркай, Фёдорыч! Я свободой дорожу.

– Значит, тебе, Станислав, свобода дорога? Из-за этого и не женишься?

– Я же говорю, что познал это счастье. Мать рано умерла, бабка была на хозяйстве: сварить, прибрать в хате. Ну, поворчит малость, да и всё. Как умерла она, привёл я к себе молодку. Ну и что? Обед не умеет приготовить, в хате бардак, извини, от всяких тряпок, посуду мне мыть, и денег ей, сколько ни принеси – мало... Через полгода попросил очистить помещение. Так что опыт горький имею, и не спешу повторения. От этих баб одни неприятности.

«Хороший парень этот Станислав, нацеленный. Ну, по малолетству нарушил закон, с кем у нас не бывало, зато биография в остальном нормальная, не то что у моего зятка. Умудрилась Зоя моя найти себе «сокровище»! Дед его кулаком был, отец в плену у немцев, а зятьёк от армии отвертелся – то ли по плоскостопию, то ли по ночному недержанию. У Станислава и бабка была героическая. Вот только с пьянкой ему надо покончить...

– Бросил бы ты, Станислав, водочкой баловаться, мешает тебе она жить по-человечески, – проникновенно сообщил Славике тому давно известное от разных добрых и недобрых людей.

– Жить по-человечески? А как это? И, вообще, что такое жизнь? Не пить водку, что ли? Я как-то целых три недели в рот не брал ни грамма, так со скуки чуть не сдох. Тоска такая напала, хоть топись или вешайся.

– Ты, Станислав, книгу «Как закалялась сталь» читал? А там сказано, что жизнь надо прожить, имея цель впереди.

– А у вас, Фёдорыч, была такая цель, и вы её достигли?

– У меня? Была, в общем. Была...

Иван Фёдорович устремил острый взгляд на детскую площадку, где ещё оставались малыши под присмотром мам и бабушек, и задумался. Славик искоса наблюдал за ним, не нарушая вопросами минуту молчания. Мысли Фёдоровича ушли далеко, в молодость...

Была. Конечно, была. Хотел расти в карьере, академию или высшие курсы офицерские закончить, стать офицером. Расту в чинах, в званиях... Он бы мог, если бы не этот «прокол». Прав, конечно, Станислав, от женщин неприятностей много. Вот и с ним тоже произошло из-за женщины. Когда ещё служил. Познакомился в городском парке – беленькая, губки, грудки, попка, всё на месте. В кафе сводил. Пригласила она к подруге на день рождения. Купил подарок – брошку. Букет цветов...

Компания большая – девки, парни. Ну выпили, конечно... Один анекдотами развлекал. С картинками и с намёками. Про генсека – как раз тогда им Никита Сергеевич был. Хохотал до слёз. Когда провожал подружку, ещё раз рассказал. Опять смеялись. Это в пятницу было. В субботу гуляли в парке – опять вспомнил, рассказал...

В понедельник вызвали к начальнику. Такое по делу бывало не раз. Пришёл, доложил по форме. Начальник шурится, с ног до головы осматривает. «Садись, – говорит, – Иван». Сел, фуражку снял. Начальник рассказывает тот анекдот, какой запомнился. Я зальбился – хохотать-то не удобно. «Смешно?» – спрашивает начальник. «Смешно», – говорю. «А что ж ты мне его в пятницу не рассказал?», говорит. – «Другие рассказали»... Тут я всё понял. Настучал кто-то про ту компанию, а я сразу не донёс – фамилии тех, кто рассказывал и кто слушал, не записал... Значит, мне хана!

Сразу не выгнали, беседовали. Посоветовали в жёны взять девушку с хорошей биографией. Потом приказ: уволить. И подписка о неразглашении. Вот была цель – и нет её. А Славик смотрит. Ждёт, что ему всё подробно объясню... Нет уж, это только моё!

– Я понял, Фёдорыч, биография твоя секретная, значит, и цель... тоже. А мне какую цель выбрать? Может быть, катиться камушком под горку, да и всё?

– Как это «камушком»?.. – подошёл тихо Валерий, молодой ещё сравнительно мужик, недавно появившийся во дворе.

О нём Фёдорыч осторожно разведал, навёл справки. Оказалось, бывший муж женщины из соседнего подъезда, Жанны. Она тоже недавно переехала на жительство к новому своему мужу, мужчине уважаемому, взрослому, похоронившему жену года два тому назад. В квартиру трёхкомнатную... А сам Валера – актёр городского театра, только бывший: вывели из состава за пьянки, прогулы, и тому подобное. Бомжует, но живёт в своей однокомнатной квартире на грани выселения из-за неуплаты с отключённым электричеством и горячей водой. Но поговорить – его стихия. За это Иван Фёдорович его и уважает.

– А цель у каждого человека одна, в общих чертах – созидать, создавать, значит. Займись хотя бы ремонтом своей квартиры, с перепланировкой, перекраской, заменой сантехники... Я у тебя был, видел пещерное твоё жильё.

– Тоже мне, цель! Ну, отремонтирую, перепланирую... А потом?

– Ты сделай это, тогда и другие цели появятся.

– Ну, ты философ, Валерий... У самого-то как с этой целью? Ремонт не начал?

– Нет, не начал ремонт. У меня цель одна: вернуться к любимой работе, в театр.

– Так за чем дело стало?

– С пьянкой завязать никак не могу. Прошу Жанку дать денег займы на лечение. Не даёт, боится, что прогуляю.

– А ведь так и будет!

– И я боюсь. Она мне денег никаких в руки не даёт, натурой помогает – картошки, капусты, лука на борщ даёт.

– А мужик её как, терпит тебя?

– Он по командировкам часто, и вообще терпит, сын у меня с Жанкой общий.

– Слушаю я вас, ребята, и оказывается, все дела-то в пьянстве. Слабоваты вы морально, неустойчивы. Это всё перестройка с демократией вас расслабила. В моё время из вас бы люди добрые получились, а вы так, труха...

Иван Фёдорович даже развернулся в сторону Славика и Валерия. Ему так захотелось рассказать этому Валере и Славику, как было хорошо и ясно жить при твёрдой власти, под контролем его обожаемой конторы. Он уже набрал воздуха, чтобы начать, как Валера преждедающе поднял руку.

– Вы, Иван Фёдорович, не совсем правы насчёт демократии. Ею пользоваться наш люд не умеет. Какие постановки в театрах идут! О таком и не мечталось. Свобода творчества – это и жизнь и счастье! Свобода выражения... Сильнейшие ощущения – основа жизни. Я только вот выпал из этой жизни... Но вернусь! Обязательно вернусь!

Иван Фёдорович смотрел на Валеру во все глаза, и мысли его принимали какое-то новое направление. Может же человек так верить в то неосязаемое, что зовётся свободой.

Славик тоже примолк, усиленно помаргивая глазами, уставившимися на тот камешек, какой случайно оказался здесь, на дворе и ставший аллегорией его судьбы. Камешек лежал неподвижно, потому что не было горки, по какой он мог бы катиться. Другое дело, зацепит его какая-нибудь баба, проходящая по своим делам, и отлетит он чёрт-те куда. Может быть, надо на самом деле заняться ремонтом квартиры, бросить пить, и посмотреть, что из этого выйдет?

Стало заметно темнеть под деревьями, затенившими двор. Славик глянул на часы и встал.

– Вы как хотите, а я пошёл. Там уже танцуют вовсю.

Поднялся и Валерий: он увидел, что зажглось окно в квартире на втором этаже, квартире его бывшей, которую он по-прежнему считал своей.

– До свидания! Вам, Иван Фёдорович, всего доброго! – и сделал рукой под несуществующий козырёк несуществующей фуражки в знак уважения к бывшему служивому.

Иван Фёдорович сидел на своей скамейке один ещё долго. Разговор с двумя разными, и на его взгляд интересными людьми, его малость взволновал. Мысли вернулись к вечной теме, какую затронул Славик и продолжил Валерий. Зачем она, жизнь, и что такое счастье? Пропадала уверенность в том, что он шёл правильной дорогой, и что только «прокол» нарушил намеченный путь в жизни. Стал бы он счастливым в чине, например, капитана или даже полковника? Всё равно теперь сидел бы на скамье под деревом в этом или другом дворе, та же жена ждала его на ужин, и то же морщинистое худое лицо глядело бы на него из зеркала при бритье. И что он мог бы вспомнить, если бы не этот «прокол», и то ощущение счастья с беленькой красивой девочкой, хохота до коллик в животе, и ощущения ужаса, когда понял свою оплошность?

Протоколы, допросы, совещания, указания начальства... Что-то заныло с левой стороны груди, прямо под ленточками юбилейных медалей. Иван Фёдорович потрогал это место ладонью, помял даже дряблый мускул, когда-то накаченный отжиманиями на брусках и от пола под бдительным оком взводного в училище... Полегчало.

Он встал со скамьи. В окошке его квартиры тоже горел огонёк. Его ждал ужин. И ещё тетрадка, в какую он должен что-то записать.

«Болис»

Виктора привела в этот город командировка. Здесь жил Борис Терехов, друг детства. И вот сидят они, совсем взрослые люди, за столом, ведут сбивчивый разговор, не придя ещё в себя от объятий, рукопожатий, похлопываний по плечу, от горьковатого чувства осознания быстро бегущего времени. Воспоминания, воспоминания. Речка Белая, известняковые горы за речкой, сад пенсионера Бурыгина с необыкновенно сладкими грушами («А помнишь, как вlepил дед солью в зад Сеньке Бузырёву?») и многое другое, чего один, сам с собою наедине, и не вспомнишь. Но иссякают воспоминания, рассеивается туман, за которым видел друга мальчишкой, и различаешь взрослого, усталого от жизни, с первой сединой на пордевших волосах, в сетке морщин на лице мужчину, и вдруг как уколёт: и я тоже такой?

– А ты, Витька, не изменился ничуть, – с некоторой завистью говорит Борис, приглядевшись. – Вот залысины, правда, далеко пошли...

– Зато твоя причёска как и была. А седина даже к лицу, – в тон отвечает Виктор.

– Причёска та, да печёнка не та, – усмехается Борис. – А главное, сердечко стало пошаливать.

– Выпиваешь?

– Как сказал какой-то умник, пью меньше, чем хочется, но больше, чем надо, – и Борис захохотал, запрокидывая голову.

Привычка так хохотать за Борисом Тереховым ещё со времён школы. Он и тогда так хохотал, запрокидывая красивую, с волнистым густым волосом голову. Девчонки всей школы на него заглядывались, а учительница физики, старая дева Анфиса Валентиновна, за любой ответ Борисов меньше четвёрки не ставила. Впрочем, все в классе звали его не Борис, а Болис. Он не обижался, откликался. Пошло это картавое прозвище от его матери, тёти Нюры, души не чаявшей в своём единственном. Она одевала Бориса на зависть одноклассникам. Часы, мотолер, аккордеон... На аккордеоне самоучкой Борис играл виртуозно, без нот, на слух схватывая «Метелицу» или ещё что посложнее. Был он, в общем, первым парнем. Он и теперь выглядел представительным, даже красивым, но лицо стало одутловатым, с бурым пятнистым румянцем, белки глаз в прожилках сосудов.

– Мальчишки, у вас весело, я к вам! Боренька, распорядись!

Тамара поставила на стол запотевшую бутылку «Столичной».

– Ну, о чём вы тут без меня секретничали? Ведь не виделись-то сколько?

Она ловко расставляла на столе закуски. Улыбаясь, щуря небольшие карие глаза, несмотря на крупную фигуру, быстро двигалась по комнате.

– Ну, давай за встречу! – Борис доверху наполнил пузатые рюмки.

«Ладно уж, – подумал Виктор, – такая встреча не часто бывает...». Ему не хотелось ещё и обижать хозяев – сразу отказаться от спиртного. Но когда Борис вновь стал разливать, Виктор решительно прикрыл рюмку рукой.

– Повремени, Борис!

– Ну, как хочешь, а я выпью. – и Борис выпил опять до дна. Лениво потыкал вилок в тарелку, ловя маринованные грибочки.

– Это мы с Борей в доме отдыха собирали, – пояснила Тамара, увидев, с каким интересом рассматривает Виктор малюсенькую шляпку гриба, наколотую на вилку. – В бутылках мариновали...

От выпитой рюмки по телу разлилась тупая лень, беспричинное благодушие. Виктор откинулся на спинку стула, слушал, как Тамара уговаривала Бориса закусить после выпитого, а тот брызгливо отговаривался.

В углу радиола тянула какую-то рыдающую мелодию, большая люстра, сложное сооружение из металла и стекляшек, излучала переливчатый свет. Ковры на стенах, палас на полу, чеканка, полированное дерево – всё в тон, всё солидное. Уютная квартира, дружеские лица... Виктору здесь хорошо, спокойно. Как дома. Хотя, по правде говоря, с его домом никакого сравнения. В его доме так не посидишь. Во-первых, у него с Зиной правило: никаких застолий при детях. А куда же их деть, двух мальчишек? И порядок у Тамары, наверное, незыблемый, каждая вещь своё место знает. А там, в двухкомнатной квартире, всё стоит вверх ногами. Ребята в чём-нибудь не поладили, Зина их урезонивает – крик до потолка!

– И часто ты по командировкам мотаешься? – наполняя рюмку, интересуется Борис.

– Да нет! Мне и на заводе беготни хватает.

– А вот я поездил по командировочкам! – Борис опрокинул рюмку в рот, покривился, понюхал корочку хлеба. – Да... Поездил... – он масляно поиграл глазами. – Потом Тамара перетащила меня в свою контору. Теперь командировки в пивбар у неё беру... – и опять захохотал.

– Поездил, поездил... Помотал мне нервы... – Тамара, шутливо сдвинув брови, смотрит на Бориса. – Как же! Ему холостяковать нравилось. Вот там он желудок и печень пьянками да сухомягиной испортил. Я тогда сказала – хватит, Терехов!

– Тогда зарабатывал я в два раза больше...

– Пил ты там в три раза больше! – парирует Тамара.

Зазвенел телефон, и Тамара отошла к журнальному столику в дальний угол комнаты, уселась на мягкий пуфик. Виктор, наклонившись к Борису через стол, вполголоса спросил:

– А с Галкой ты давно не живёшь?

– Давно. Всего два года и прожил. – Борис потускнел голосом. – Забыл уж, как жил с ней вместе.

– Но ведь сын был у тебя?

– Он и сейчас есть, Андрей. С ней живет.

– Я помню, ты с Галкой ещё с восьмого класса дружить начал.

– Дружба дружбой, а жизнь... Она не то...

– Но ведь и любовь была? – настаивал Виктор.

Виктору Галя Бородина тоже очень нравилась, но разве мог он тягаться с красавчиком Борисом, первым парнем, да к тому же его другом?

– Ты говоришь, любовь? – Борис кисло улыбнулся, посмотрел сквозь свою рюмку на люстру, осторожно поставил на стол. – А когда квартиры нет, когда пелёнки мокрые над головой висят. Тут ещё Галка приболела по женской линии. А с Тамарой мы тогда вместе работали в цехе. Квартира эта тоже её, она со своей бабкой жила. Бабка померла недавно. Ну, сам понимаешь...

– Не понимаю... – Виктор говорил откровенно. – Галка же тебя любила!

– Выгнала она меня, когда узнала. И на развод сама подала. Ну, в общем, что было, то прошло. Давай ещё по напёрстку...

– Я не буду. Не наливай.

– Не хочешь? За Галку обиделся? Ну, и не надо... У нас по-интеллигентному, каждый сам по себе.

Он выпил, вновь стал ловить вилкой ускользящие грибочки.

– Заскучали без меня, мальчики? А я заболталась. Это я, Боря, с Лидой говорила, из нашей группы. Ну, беленькая такая... Забыл?

– А я и не помнил. Лидия... они у вас там все беленькие, чёрненькие, серенькие.

– Боря!..

– Ладно, молчу, – Борис тяжёлым взглядом обвёл стол, медленным движением взял бутылку за горлышко – она была пуста. Вопросительно уставился на Тамару.

– А старичку моему в постельку пора, бай-бай. Пойдём, Боренька, я уже разобрала. Тебе, Витя, раскладушка сейчас будет...

Придерживая высокого грузного Бориса, повела его в спальню, уложила. Потом достала раскладушку из кладовой, принесла подушку и простыни, постелила. Быстро, ловко. И ушла в спальню.

Сон после обильного ужина был тяжёлым, многолюдным, и Виктор поэтому не сразу понял, что голоса, которые он слышит – уже наяву, голоса Бориса и Тамары. Через приоткрытую дверь спальни, освещённую розовым ночником, было видно, что Борис сидит в одних трусах на постели, опустив голову и выпятив живот, басовито бубнит. Тамара, в короткой ночной рубашке, всхлипывая, сидит на стуле возле него.

В кухне тоже горел свет. Было три часа ночи. Наблюдать ночную семейную сцену неудобно, но вставать тоже не с руки, и Виктор остался лежать неподвижно, полуприкрыв веки.

– Ты куда, стерва, уходила? Куда, спрашиваю? – Борис говорил монотонно, не поднимая головы. – Ку-да?

– Мучитель! – Тамара сидела, отвернувшись от Бориса, комкая в руках платочек. – В туалет ходила, вот куда.

– Врёшь! Перепрятала, тварь, бутылку... Всё равно найду. Най-ду! – цепляясь за стулья, столы, качаясь из стороны в сторону, Борис шаркающей походкой достиг кухни, застучал там дверцами шкафов, загремел посудой.

– Не найду, тебе же хуже будет... – доносился из кухни его хрипловатый низкий голос. Потом послышалось бульканье наливаемой жидкости. Тамара по-прежнему сидела, всхлипывая, то и дело прижимая платок к лицу. Виктор пошевелился, кашлянул, и Тамара, набросив на плечи халат, прошла в кухню.

– Пришла? Ха! Пришла, – брюзжал Борис. – А я и без тебя справился. Тебя не забыл. Во, оставил... на доньшке. Ха-ха!

– Друга бы постеснялся, подлец!

– Он мой друг, а не твой.

Роняя стулья и чудом удерживаясь от падения, Борис добрался до спальни, повалился на жалобно заскрипевшую кровать.

– Иди сюда, Томка! Слышишь?

– Не пойду я к тебе, пьянице, пьяной роже! Уйду вот к сестре, на полу, на подстилке буду спать у неё, а не здесь.

Она тоже прошла в спальню, села на стул, запахнув халат на высокой груди, глядела куда-то в сторону, молчала. Молчал и Виктор, не решаясь вступить в разговор. В тишине слышалось только тяжёлое частое дыхание Бориса.

Тамара встала, наклонилась над Борисом:

– Утомонился... Вот так, Виктор, с ним и мучаюсь.

Она переставила стул поближе к дверям спальни, села.

– Завтра, как проснётся, тише воды будет. До новой пьянки...

– Ты извини, что из-за моего приезда...

– Брось ты, Витя! Он причину каждый день найти может. А так ведь он хороший... Как он на аккордеоне играл! Только с тех пор, как мать умерла, он аккордеон и в руки не берёт, так смерть Анны Сергеевны на него подействовала... А пить не перестал...

– Конечно, – помолчав, продолжала Тамара, и Виктор, которого смаривал сон, вновь поднял на неё глаза, – если бы у меня был ребёнок, такое не случилось бы. А Борис не хотел ребёнка, и я его слушалась... По три раза в год, извини, Витя, за прямооту, аборт делала, дура!.. – Тамара всхлинула, потом встряхнула головой, решительно отёрла глаза ладонью.

– А теперь ещё упрекает, вот так! К каким я только докторам не обращалась, на какие только воды не ездила!.. Уже не езжу.

Она поднялась со стула, пересела на кровать к спящему мужу.

– Спи, Виктор, – она прикрыла дверь спальни.

...Серёжка барахтался в руках, мягкий, тёплый. Виктор хотел подбросить его, как обычно, к потолку, но руки не слушались. Где-то зазвенело. Наверное, Сашка разбил что-то....

Виктор оторвал голову от подушки. Приснится же такое!.. Лежал неудобно, левая рука совсем затекла. Из кухни доносилось позвякивание посуды. Там, наверное, орудовала Тамара. Из спальни доносилось похрапывание Бориса.

Виктор поднялся, оглядел комнату. Вчера вечером она выглядела уютнее и богаче. Комната как комната. В ней даже чего-то не хватало. Ну, ясно, как это он вчера не заметил? В комнате нет книг, книжного шкафа. Зато сервант с набором хрусталя замечательный!

В ванной, облицованной красивой плиткой (вот она какая, иранская!), Виктор освежил лицо холодной водой. Зашёл в кухню.

– Проснулся! Спал бы ещё, а то ночью покоя тебе не было, – Тамара говорила вполголоса. – Сейчас я чайку приготовлю...

– Не шепчитесь, всё равно слышу. – Борис вошёл к ним в просторной полосатой пижаме. – И не чай пить будем, а пивка пропустим по паре кружечек. Томочка, ты нас на пивко отпустишь?

– Боренька, доброе утро! Ну зачем идти куда-то? Ты же знаешь, у твоего Томчика всегда что-то найдётся.

Борис, лениво улыбаясь, подсел к кухонному столу, на который Тамара уже выставила бутылки. «У соседки, наверное, хранила», – подумал Виктор. Пить пиво ему не хотелось.

Вчерашнее ощущение уюта, теплоты, дружеского гостеприимства после ночи ушло. Возникло нетерпеливое желание быть дома, в тесной, полной детских голосов квартирке.

Виктор поднялся из-за стола.

– Куда ты, Виктор? – удивлённо спросила Тамара.

– Пока чай закипит, я схожу, узнаю, как с билетами дела. Ну, касса-то рядом, через дорогу, можно сказать. – Виктору было и неудобно, и обидеть не хотелось, но и совладать с собой он не мог. – Я мигом...

– Вот, загорелось тебе... – Борис отвалился к спинке стула. – Только быстрее давай, душа стонет.

– А ты душу не томи, начинай без меня, – Виктор в прихожей уже обувал туфли.

В кассах аэрофлота Виктор задержался и, спеша обратно, готовился принести свои извинения. Но он ещё не надавил на клавишу звонка над дверью квартиры, как её открыла Тамара.

– Тсс! – она приложила палец к губам. – Борис только что уснул. Выпил тут немного без тебя и лёг...

«Отпали мои извинения», – подумал Виктор, заходя в прихожую.

– Проходи на кухню, Витя. Чай остыл, но я подогрею. И перекусить тебе надо...

– Спасибо, Тамара, но мне некогда, через час самолёт вылетает.

Виктор тоже говорил почти шёпотом.

– Понимаешь, повезло. При мне один билет сдали. Жаль, конечно, что с Борисом не попрощаюсь. Ну, не в последний же раз я к вам заехал!

Виктор это говорил, укладывая выложенные с вечера из чемоданчика электробритву, зубную пасту, одеколон. Он старался говорить спокойно, даже с оттенком сожаления за внезапный отъезд, но в душе был рад, что Борис уснул, что можно не притрагиваться к водке, которая в открытой бутылке стоит на кухонном столе среди тарелок.

Он отнёс чемодан в прихожую и вновь вернулся в комнату.

– Давай, Тамара, присядем перед дорогой!

Он сел на стул у двери, Тамара – на край постели, на которой, подогнув ноги и положив ладонь под щеку с отросшей светлой щетиной, спал Борис.

С минуту помолчали, выдерживая ритуал прощания, и за это короткое время Виктор неожиданно понял, кого так напоминала ему Тамара – тётю Нюру, Анну Сергеевну, мать Бориса. Ни лицом, ни фигурой Тамара не походила на тётю Нюру, но их сближало, роднило одно – неуёмная, слепая любовь к Борису, готовность потакать его прихотям.

Укрытый халатом Тамары Борис во сне что-то бормотал, несколько раз вполне разборчиво произнёс: «Тамара...»

Тамара была рядом, и он даже в пьяном сне был уверен в этом, её грузный, седой муж, её ребёнок, «Болис».

– Ну, прощай! Виктор встал. Тамара кивнула молча, боясь потревожить спящего.

Витёк, Лена, Оксана

Засунув руки в карманы выдавшей виды кожаной куртки, Витёк дефилировал по тротуару в центре города. Вид у него был вполне представительный и, по привычке, беспечный, хоть думы его одолевали. Опять он в патовом положении, между двух стульев. Опять же, денег в карманах на пару троллейбусных билетов. Не впервой такое, но каждый раз как-то неуютно.

Детина бравой выправки с густым чубом. Правда, если посмотреть поближе, в этом чубе седины предостаточно, морда вся в складках и морщинах – вид подержанный... Оно и понятно: пятый десяток в размене.

Вчера вечером Елена Семёновна выставили его чемодан со стандартным набором предметов старого холостяка за порог квартиры, сказав при этом «пару ласковых», что у неё выходит здорово, и захлопнула дверь.

Чемодан отнёс Витёк в комнату такого же, как он сам, холостяка Серёги, там же и переспал на раскладушке, а теперь идёт, не спеша просчитывая варианты.

Вариантов два всего. У Ленки ему жилось неплохо в её трёхкомнатной квартире, ухоженной и уютной. Кормили его там, поили, спать укладывали на чистенькое. Но вчера выперли. Обвинили в лени, не желании работать и приносить в дом деньги. Не приняли во внимание, что не сезон постановки евроокон, а на шабашках много не заработаешь. Пока к Ленке хода нет. Значит второй вариант – Оксана. Она примет без денег, в квартирку, какую сняла. Там пельмени из гастронома, яичница на сале, и диван с хозяйкой, тощей, как нестроганая доска. А ещё там надо изображать любовь горячую, а не отбывать номер семейного секса.

Оксана – хозяйка магазина, купленного на папашины деньги. Хлопочет, устаёт, расслабляется крепкими напитками...

Итак, пока Оксана. Придётся потерпеть. Она молодая, стервознее Ленки, но у той хитрости больше. А в общем-то, обе хороши!

Мобилка Витька в кармане исполняет «Турецкий марш». Ну, конечно, это Оксана. Узнала, что Лена выставила его и – сразу быка за рога. Для Оксаны, Лены или ещё какой бабёнки, у Витька один стиль разговора: «зайка», «киса», «котёнок». Это бабам нравится. Но не всем, кума его сразу пресекает, смеётся, в глаза глядя.

– Киса привет! Где я? Гуляю. У гастронома сейчас торчу. Купить «салями»? Зайка, в кармане у меня ни гроша! Ну и что получил недавно? Кушать надо, выпить надо? А потом я у Серёги ночевал, его отблагодарил. Ну и сам, конечно! Ленке я ни копейки не дал! С какой стати? Киса, я иду, бегу, скачу!

«Киса!» Витёк удивляется всегда глупости этих тёлок с высшим образованием. Ленку так не проведёшь! Она всего-то курсы парикмахеров закончила, а теперь пошла в цех кладовщиком. «Бабки» неплохие и стаж горячий идёт.

Подождав маршрутку, Витёк садится и отдаёт кондукторше последние копейки так, как будто «лопатник» его набит баксами. Он говорит комплимент девчонке с рулончиком билетов на пальце и получает в ответ улыбку. Комплимент испытывается им уже лет двадцать – срабатывает!

За две недели общения с Оксаной Витьку обрыдло в казённой чужой квартирке. Правда, Оксана здорово изменилась по части кухни. Варит, жарит, кормит, как на убой. Утром уходит рано, одного поцелуйчика ей хватает. Целый день на работе, зато вечером достаёт Витька ужимками и расспросами. Отвечая, Витёк вранье с правдой так мешает, что такое заметить могла только Лена. Да ещё кума. Та только глянет на него и с усмешкой скажет: «Ну, понесло Остапа!» Это из кино «Золотой телёнок». А Оксана глотает всё, не разжёвывая. Витёк много не врёт. Это правда, что звонит и ходит по конторам, заходит к Серёге, и не с пустыми руками.

У того полный абзац в карманах. Ну, бутылка-две, пива баллон... О том, что звонил Елене и договаривался о встрече – молчок! Тема эта запретная, а она-то и интересуется Оксану.

Она ревнует Витьку, и боится, что он перебежит во «вражеский» лагерь. А его к Елене тянет! И вид у неё колхозный, и не так уж она молода, зато полное взаимопонимание в постели – вот главное!

Всё чаще в голове Витьки мелькает мысль остепениться, осесть и наиболее подходящий вариант.

– Елена. Стервоза она, конечно, и будет его доставать, но с ней надёжнее. Квартира у неё трёхкомнатная, живёт она одна. Сын взрослый, свою площадь, имеет. И выгнать она Витьку не сможет, если будет отметка в паспорте. А Оксана, молодая, на красотку тянет, так в красоте ли прок? Деньги у неё? Но бизнес дело ненадёжное. Это при папочке ей можно рисковать, а без него лопнет бизнес её, как бульбашка. А главное, опять – доска доской она... Только Елена! Но пока можно перебиться, жирка накопить у Оксаны.

Вот с кем бы Витёк любовь закрутил, так это с кумой. Одно время, когда у неё нелады были с мужем, сделал он попытку завлечь её – не получилось. Шутит, улыбается, как родная, а дальше – стоп! Пока она с дочкой жила у матери – достал её алкаш законный – погулял с ней Витек в парке два вечера. В кафе приглашал – не пошла. Не нравится ей шум, гам, музыка дикая. Один раз уговорил её Витёк днём зайти к Серёге, в его отсутствие. Поговорили дружески, чай попили – и никаких сдвигов. Не грубо, с шуточкой, но решительно отодвигает – не за что ухватиться. На правах кума заходит Витёк крестницу проведать, подарком нехитрым обрадовать – всё по-прежнему. К мужу она вернулась, и тот сообразил, что такую бабу из-за рюмки терять нельзя!

У Серёги распорядок строгий: в рабочее время с сумкой «чайников» обходит все известные районные свалки, собирая пластиковые баллоны – стеклотару принципиально не собирает. Потом сдача, отоваривание горючим и закусью, «заслуженный» отдых. Подруга Елены подняла Серёгу с постели, чем он был крайне недоволен, но, узнав причину, сменил гнев на милость. Подруга, соседка, принесла записку от Елены для Витьки. На словах она прояснила ситуацию. В общем, Ленка без милого дружка Виктора впала в депрессию, пыталась отравиться какой-то гадостью. «Скорая» её откачала и теперь она валяется дома чуть живая...

Получив записку от Серёги и его устный рассказ, унащённый ненормативной лексикой, Витёк ужаснулся. Выходит, что он эту Ленку любит? В записке несколько слов: «Виктор, если можешь, приходи. Мне очень плохо!»

Чемодан свой походный Витёк брать не стал. Он оставил записку Оксане и уехал к Елене с зубной щёткой в кармане. В записке уведомил, что бросить в беде подругу не может, но как только она поправится, вернётся обязательно к своей Ксаночке, кисаньке, котёночку и так далее...

Вечером, прочитав послание, Оксана в бешенстве разбила пепельницу, накануне купленную для окурков Витьки, оставляемых им в любом месте. Потом всплакнула Оксана по своей несчастной бабьей доле, потом позвонила одному из своих знакомых, имеющему юридическую подготовку.

Елена Семёновна не выглядела больной, но встретила Витьку, встав с постели в халате. Она сначала охала, хваталась руками за голову в районе висков, но потом оживилась, собрала для друга обеденный стол, выставила графинчик водки, настоящий на корнях хрена, выпила с ним на равных. Потом совсем повеселела, и на широкой кровати с панцирной сеткой проявляла себя совсем здоровой, что заметил Витек с удовольствием.

Она расспросила Витьку о его планах, узнала, что через одну-две недели он выходит трудиться в одной из фирм. О его недавнем выселении из квартиры они не вспоминали.

Жизнь Витьки потекла в привычном ритме. Оксану он вспоминал всё реже и в основном в связи с оставленным на квартире чемоданом. Елена Семёновна с понедельника вышла на

работу в свой цех, а Витёк, пользуясь хорошей погодой, прогуливался по городу. Он обходил знакомые значные места встречаясь с такими же, как и он, свободными гражданами мужского и женского пола. Обычно при этом он принимал пару соток водки, бутылку-две пива и приходил домой в самом благодушном состоянии, готовый со смирением выслушать укоры сожительницы.

Но вдруг, как гром с ясного неба – звонком от участкового – пригласили Елену Семёновну зайти на беседу. Участковый, лично хорошо знавший Елену, пояснил, что на проживающего без прописки в её квартире гражданина Виктора поступило заявление от гражданки Оксаны Омельченко об избиении её с нанесением побоев средней тяжести. Дело пахло керосином!

Вернувшись от участкового, Елена прямо с порога «отвязалась» на Витьку, испортив ему настроение. Ошарашенный подробностями Витек сам побежал в дежурную часть, которая была в том же доме, где он обитал, на первом этаже.

Участковый отнёсся к Витьку благожелательно, – повлияло личное знакомство с ним Елены Семёновны.

Благожелательно, но серьёзно, участковый, молодой человек в чине старшего лейтенанта, пояснил Витьку, что документов в копии приложенных к заявлению хватит на срок до четырёх лет в колонии общего режима. «Да я эту сучку и пальцем не трогал!» – взмолился Витёк, на что участковый, держа в руках пачку листов бумаги веско заметил: «Я тебе может быть и верю, но с тобой будет разбираться следователь, и он будет решать по-своему... Так что думай!». Витёк промаявшись до времени, когда приходит с работы Оксана, покатил к «нашему гнёздышку», как она называла квартирку. Оксаны в квартире не было. Холодильник был отключён и пуст. Всё ясно: Оксана у родителей, где её Мишка, десятилетний оболтус, обитающий под присмотром бабушки.

В дом родителей Оксаны Витёк не ходок. Один раз побеседовал с её папашей, крепким мужиком не намного старше самого Витька, и понял, что от такого родича надо быть подальше.

Из уличного автомата позвонил Оксане. Попал на её мамашу. Та долго пыталась, кто звонит и по какому случаю. Прикрыв рот носовым платком Витек, долго гнусавил, пока не услышал голос Оксаны.

– Я слушаю... – голосок был нежный. – Кто звонит? Витя?

Витёк предложил ей встретиться сейчас же. «Не могу. Занята».. «Может, завтра?» – «Тоже не получится». Договорились на послезавтра. Ясно Витьку, что тянет Оксана время, чтобы потрепать ему нервы.

Двое суток Витёк у Ленки, как чужой, ночевал на диванчике в гостиной, питался тем, что оставалось, и был без копейки денег, без сигарет, без пива... Ленка молчала, как партизан. К себе не подпускала.

В субботу пришёл к Оксане в час дня, как договорились. Открывать своим ключом не стал – позвонил. Открыла Оксана в парадном прикиде, с улыбочкой на тонких губах: «Прощу!»

Стол накрыт, салаты, водка. Витёк присел к столу молча и ни к чему не притрагиваясь. С чего начать разговор, не знал. Оксана разлила водку по рюмкам.

– Ну, Витя, давай за встречу! Давно не виделись.

Весёлая. Довольная, что подложила ему свинью. Что ей сказать?

– Расскажи, Витя, как там здоровье у Лены. Может быть, ей лекарства нужны? Так я могу помочь, по своим связям.

– Выздоровливает. Жива будет...

Не знал Витёк, с чего начать ему разговор. Только после второй рюмки наконец решился:

– Ксюша, рыбка, как ты могла такое? Я тебя хоть раз пальцем тронул, киса моя ненаглядная?

Молчит, улыбается, гадюка! Наливает рюмки...

– Третий тост Витя, ты знаешь, за любовь. Давай за неё и выпьем. За нашу любовь!

Эта женская логика извращённая, до Витька, несмотря на его большой опыт общения с женщинами, никак не доходит. Оксана, однако, поясняет:

– Ты, Витя, видел у участкового ксерокопии, а оригиналы у меня, в сейфе отцовом. Есть ещё рентгеновские снимки моей сломанной челюсти. Снимки мои, только делали их после аварии лет пять тому назад. Пригодились! И свидетельских показаний столько!..

– Ну, и что мне делать, кисуля? Ждать повестки в суд?

– Ну зачем в суд? Делать ничего не надо. И суда не будет, пока я не подам на тебя. Соскучилась я по тебе. Заигрался ты у Ленки. Чемодан с твоим шмотьём цел, а теперь и ты со мною рядом.

– Ну и хитра ты, киса! Хитра. а!..

– Я ведь за свою любовь борюсь, за тебя, Витя! – Оксана передвинула свой стул, села рядом, обняла. – В такой борьбе для женщины все средства хороши! – она чмокнула Витьку в щёку. – Ну вот, шёл на свидание с любимой, а не побрился. Ну ничего! Теперь будешь бриться каждый день. Вечером, к моему приходу с работы. Я тебе ко дню рождения новую бритву подарю, трёхлезвийную. Ты ведь августовский по рождению? Значит, по знаку зодиака – Лев!

– Да, лев. – Витёк нашёл тему разговору. – Скоро буду работать в фирме, на окнах...

– Это хорошо, только не вздумай ездить в Запорожье окна ставить, как тогда. Нашла, когда я тебя, «командированного», у Ленки.

– Ну, было дело...

Витёк понял, что Оксана крепко вцепилась, и надо терпеть.

– В этот раз заболела Елена... Понимаешь, я с ней несколько лет дружил... Подругу в беде бросать как-то...

– Хитрая, твоя колхозница! Заболела она! Я, может быть, без тебя куда сильнее болею! Ладно, сегодня иди, попрощайся с ней. Я поеду к родителям, Мишке обещала сходить с ним в «Экстрим-парк». Да, вот ещё – деньги у тебя имеются на пиво?

Она открыла сумочку и достала две сизых бумажки по полсотни.

– Этого тебе пока хватит. Вечером здесь встретимся, по полной программе.

Оксана потянулась к Витьку:

– Дай я тебя поцелую, лев ты мой!

Витёк, изобразив блаженную улыбку, притянул Оксану к себе. «Тошная кошка... Хитрая!»

Погода по-весеннему сухая и тёплая. Витёк шёл по городу расстегнув куртку, подняв голову, не заглядывая в зеркальные стекла магазинов. Он чувствовал себя молодым и таким победителем... в борьбе двух женщин за обладание им. Пока такая ситуация его вполне устраивала. А что потом? Дальними планами Витек свою седеющую голову обременять не привык.

Возле лифта

Это дело произошло часов эдак в девять вечера, когда некий ветеран ВОВ в самом благом настроении возвращался из гостей, где прилично поужинал и принял граммов сто пятьдесят.

В подъезд вслед за этим ветераном заскочило двое молодых парней. Один из них, опередив не спеша поднимающегося, улыбаясь навстречу идущему, стал перед лифтом, другой, ростом пониже первого, стал сзади. Благодушное настроение подвело Семена Кузьмича, бывшего фронтового разведчика, и он не придал никакого внимания такому нехитрому манёвру молодых людей. «Вам на какой этаж?» – поинтересовался он, глядя снизу вверх на высокого хиластого парня перед ним. «Нам на самый верх!». Парень улыбался так мило, но Кузьмич не успел его разглядеть по-настоящему, как удар сзади в правое подглазье выключил его сознание, и он оказался стоящим на четвереньках.

«Да, мало меня учили в разведзведе...» – пронеслось в голове, и он, вместо того, чтобы упасть на пол и застонать, стал подниматься. Малорослый второй парень ударил ему в голову кулаком. Семён Кузьмич ударил парня в промежность и тот ойкнул, но тут же, заматерившись, ответил ударом ноги в бедро. И опять кулаком в скулу. «Нет, я уж не тот! – промелькнуло в мыслях Семена Кузьмича, – покалечат, бандиты!» – Всё, всё ребята! – примирительно забормотал он, а малый парень ещё раз его ударил, в грудь. «Боксёр, видно, в солнечное попал». Дыхание перехватило. – Тише! Молчи! – змеиным шёпотом свистел над ухом малый, а длинный, сдёрнув до половины куртку, держал сзади Семена Кузьмича за рукава.

Подхватив под руки, парни по ступенькам поволокли Кузьмича на площадку между первым и вторым этажом.

– К стенке! Лицом к стене! – командовал всё тот же малорослый налётчик.

В далёкое фронтовое время учил его, семнадцатилетнего пацана, командир взвода разведки: при встрече с двумя незнакомцами встать так, чтобы за спиной никого не было, а сбитому лежать, набирая силу, для броска, для удара, а он? Расслабился, постарел...

– Деньги! Деньги давай!

– В книжке! В записной. Больше нету. Книжку отдайте...

Денег было всего две двадцатки и ещё пара гривен, пустяк. Хотя, конечно, они бы не помешали дотянуть до пенсии – финансы Семена Кузьмича подорвала покупка зимней куртки. Дешёвая, турецкого производства, из кожзаменителя, чёрного цвета, она привлекла этих шакалов блеском. Ну, что они за куртку получают у скупщика? На пару «доз»?

– Не оборачивайся! – шипел мелкий, но краем глаза Кузьмич видел, как осматривает высокий парень снятый с него пиджак. Старый, с порванной подкладкой, он был ценен только красиво сделанной колодочкой орденских планок – подарком цехового художника к годовщине Победы.

Куртка, перекочевавшая в руки малого, уже вместе с ним отправилась за двери подъезда. Пиджак, обшаренный по всем карманам, рослый отбросил в угол.

– Дед, стой, как стоишь, пока за мной дверь не закроется. – И сбежал по ступенькам.

Семён Кузьмич опустил руки от подоконника, поднял и надел свою чёрную вязаную шапочку и пиджак, тяжело ступая, спустился на площадку первого этажа. Идущая к лифту молодая женщина с испугом от него отшатнулась. Семён Кузьмич чувствовал, как напухла, наливалась кровью кожа вокруг глаза, из носа и рта сочилась кровь. В крови были и руки, и лацканы пиджака.

Он вышел из подъезда во двор. Было тихо и безлюдно. В это время старшие и дети сидели по квартирам, у телевизоров или у кухонных столов, а молодёжь ещё не возвращалась с дискотек и других увеселений. Девять вечера, самый удобный час для разбоя, охоты за одиночками. Окна домов напротив были освещены, со стороны проспекта доносился шум проезжающих

машин и, кажется, произошедшее на площадке возле лифта было в дурном сне. В голове у Семена Кузьмича шумело, всё тело ещё напряжено, и боль проявилась только в левом бедре, когда он пошёл к подъезду.

– Что с вами, папа? – ужаснулась жена сына, открывшая ему дверь в квартиру.

– Ничего, ничего Лида. Всё в порядке.

– Кто это тебя, батя? – вышел из комнаты сын.

– Тех уже след простыл... Умоюсь. До утра всё пройдёт.

Утром, глянув в зеркало, Семён Кузьмич не обрадовался своему виду. Вздутая гематома на правой скуле и залитая фиолетовым цветом глазная впадина явно не украшали. Удар в солнечное сплетение давал знать о себе при каждом вдохе, ныло левое бедро.

Надев старую куртку и надвинув шапочку до солнечных очков, Семён Кузьмич вышел во двор, чтобы сходить в аптеку.

Воскресное утро середины октября выдалось солнечным, и на проспекте былолюдно. Молодёжь ещё в лёгких куртках, без головных уборов, да и люди постарше тоже. Семён Кузьмич с горечью подумал, что с синяком, в старой куртке и с прихрамывающей походкой он смотрится тёмным пятном на радостном фоне жизни. Правда, приглядевшись, он заметил, что радостных лиц мало, а если и слышится смех, так от групп парней, походя сосущих бутылки и банки пива. Заметил он и торопливость, спешку идущих, ранее как-то им не замечавшуюся. И вдруг вспомнилось послевоенное время, пустые полки магазинов, очереди за хлебом, серая одежда и военные обноски на людях... И в то же время добрые взгляды, словно ожидающие, что вот-вот всё будет хорошо...

Семён Кузьмич пошёл вверх по проспекту. Он шёл, вглядываясь в лица молодых людей, но не с целью узнать нападавших на него, – вряд ли бы он узнал даже высокого парня, а у малорослого он и лицо-то не видел. – ему захотелось поглядеть на это поколение, от которого был он в последнее время далёк. Вчерашнее ощущение бессильной ярости и ненависти к нападавшим, ушло. Вчера, будь он моложе, извернувшись, бил бы и калечил без жалости тех парней. Сегодня это чувство сменилось на что-то похожее на жалость. В мире блестящих иномарок, сверкающих витрин магазинов, разряженных женщин и холеных мужчин, алкоголь и наркотики скрашивают жизнь этим изгоем, толкают к преступлениям. Что их ждёт? Тюрьма, букет болезней, отбитые почки и ломаные ребра...

Семён Кузьмич вспомнил новую куртку. Ну, сорвали... Чёрт с ней! Слишком блестела эта кожа или тот же кожзаменитель...

Побеседовав в аптеке с молоденькой, но очень серьёзной девушкой-провизором, Семён Кузьмич приобрёл таблетки, снимающие отёк, получил рекомендацию по пользованию. Теперь можно идти домой, отлёживаться.

Есть, о чём поговорить

Мобильный телефон в кармане забился в дрожь, и Седунов, не сбавляя шага, достал его и приложил к уху. Звонила его знакомая, Анна Горская. С утра он с ней встречался в коридоре Университета, где она, как и Седунов, работала преподавателем. Утром обычное приветствие давно знакомых и не совсем равнодушных друг к другу людей в коридорах это: «привет!», если поток студентов не очень густ, а в толчее – поднятие руки с улыбкой в придачу. В это утро было последнее.

– Николай, у меня есть идея посидеть за чашечкой кофе или чая. Заходи часам к шести.

Седунов и Горская давно были на «ты», а за чашкой кофе, иногда и чего-то покрепче, именовались Коля и Аня.

Хотя Николай Петрович Седунов и до знакомства сталкивался с Анной Борисовной в длинных и часто полутёмных коридорах, её лицо, бледное, с усталыми глазами, обрамлённое простой учительской причёской, не бросалось ему в глаза. Да и одежда Анны, чаще всего в серых и тусклых тонах, не подавала ему сигналов как мужчине. А его, рослого мужчину с чёткой выправкой отставного офицера, женщины замечали. Случай свёл их за пределами учебного заведения. Они познакомились в «Диалоге», клубе мецената Игоря, владельца торговой фирмочки.

За столиком на четверых Седунову досталось место с женщиной, какую он вроде бы видел где-то. Оказалось, они трудятся в одной конторе и живут на одной улице, в десяти минутах ходьбы пешком. Седунов положительно оценил не крикливый прикид Анны и немногословность. Он особенно не любил последнее – женскую болтливость.

Приглашения на чашку чая по телефону не удивило Седунова. Эти посиделки уже лет пять как длятся. То по случаю, то просто так, при одном и том же «градусе» отношений – дружбе. Существует, однако, дружба между мужчиной и женщиной, во что Седунов в молодые годы ни за что бы не поверил! После ранней смерти жены Седунов остался один с подростком сыном и, когда горечь утраты женщины, которая его любила, поутихла, стал обращать внимание на других и даже делал попытки сближения, но быстро разочаровывался. Молодые требовали постоянного внимания, а силы у Седунова были уже не те, близкие же к нему по возрасту глядели, что называется в корень: выясняли, есть ли у него площадь для прописки взрослого сына, какую пенсию получает, на кого будет писать завещание...

Анна Борисовна возрастом попадала в середину выше упомянутых категорий, могла самостоятельно развлечься посещением какого-нибудь концерта бардов или вечера поэзии в местном Дворце культуры, на двоих с матерью, доброй старушкой, владела частной однокомнатной квартирой в хрущёвке.

Из-за определённых пристрастий хозяйки квартира представляла комбинацию библиотеки в период подготовки её к переезду и картинной галереи. Галерея распространялась на стены коридора и кухни, и постоянно пополнялась. Седунов вносил свою лепту, даря Анне свои картинки – малоформатные копии мастеров и свои поделки.

Анна писала стихи. Седунов тоже писал стихи, и в Анне находил благожелательного критика и читателя. В общем, поговорить при встречах было о чём, в том числе и на кухне за чашкой чая. Анна соблазняла Седунова, по-холостяцки питающегося дома самой примитивной пищей, чем-нибудь изысканным, вроде фруктового рулета, маслин – Седунов их только терпел – или свежих пирожков маминого приготовления.

Так получалось, что в диалогах по любому вопросу между Николаем и Анной всегда возникали противоречия. В поэзии, например, мнения их о Цветаевой и Бродском сходились, других любимчиков Горской Седунов не очень жаловал.

Поддразнивая Анну, Седунов приводил цитату из воспоминаний Виктора Шкловского о Мандельштаме, что многие стихи его на грани смешного, утверждал, что Пастернак путается в метафорах сам и путает читателей. полностью соглашался с вождём всех времён и народов Иосифом Джугашвили, что Владимир Маяковский – величайший поэт России. Они спорили, и хотя в этих спорах истина не рождалась, каждый оставался при своём мнении, Седунову это нравилось.

...Хорошо. Договорились, – пробормотал Седунов в трубку, и ускорился, чтобы немного отдохнуть у себя в каморке и, может быть, немного разобрать заваленный журналами, папками с рукописями, эскизами стол.

Седунову катастрофически не хватало времени. Засиживаться допоздна за столом опасно: терялся сон. Смотреть в тёмный потолок за полночь и считать баранов или верблюдов, бредущих по пустыне, чтобы заснуть, бесполезно. Надо вставать, принимать снотворное, вновь ложиться, чтобы утром проклинать грохот будильника.

На прошлых посиделках разногласия возникли совсем не на литературной почве. Николай Петрович рассказал Анне о письме, какое прислал друг из далёкого города. У друга, тоже офицера запаса, умерла жена, и он в печали и растерянности – на квартиру, в которой он жил, имеет полное право взрослый сын от первого брака умершей.

– Ничего! Будет твой друг искать новую жену с квартирой. И найдёт! Все они такие, военные – привыкли жить на всём готовом. Анна изрекла это с приличной дозой сарказма, явно прицеливаясь в самого Седунова.

– У военных, офицеров служба, дальние гарнизоны, переезды по приказу начальства. – Седунов пытался как-то выгородить «своих». – А защита Отечества, а готовность идти на смерть?

– Солдаты идут на смерть, а офицеры их посылают... И вообще, захребетники у народа эти чины! – Анна уже сердилась, и Седунов сдался. Доказать женщине что-либо, о чём она знает смутно, невозможно. Это Седунов знал хорошо по собственному опыту.

И ещё одна тема разводит Седунова и Горскую по разные стороны баррикад: тема патриотизма. Седунов никакой не квасной патриот, он видит результаты ошибок, непрофессионализма и просто воровства персон власть предержащих. Результаты эти – на ценниках продуктов, в квитанциях оплаты коммунальных услуг, в уличном беспределе. Но это его страна, его земля. Неухоженная, захламлённая, безалаберная, но его, родная.

– Я хоть завтра уеду из этой страны... В Канаду. Там люди по-людски живут, – говорит Анна жёстко.

– Зачем так далеко? В Германию можно, поближе. Или в Израиль, – усмехается Седунов.

– Да! У меня подруга в Германии. Приезжала, рассказывала... – Анна продолжает с вызовом. – В десять раз лучше живет, чем здесь жила!

– Так уж и в десять? Но ведь и по-другому рассказывают. Материально лучше живут, может быть, но в вакууме, в гетто русскоязычном! Да и пишут...

– Пишут?! Врут все! Отбирают нужный материал для публикации редакторы, пиарщики... Надо же хлеб отрабатывать, вот и сочиняют сказки, запугивают...

– С чужих слов это у тебя, Аня. Чтобы узнать вкус варева, нужно хотя бы одну ложку отведать. – Седунов подливает масло в огонь. – Приедешь – расскажешь.

– И поеду! – взвизгивает Анна. – Сидите здесь, в этом болоте, в дыму и копоти, в матерщине и хамстве... В нищете!

Не поссорились, но около того. На другой день в коридоре Университета: «привет – привет!», как ни в чём не бывало. Да и как может быть по-другому? Никуда Аннушка не уедет, а жить надо. И хоть называет она военных приспособленцами, ей и самой надо приспособляться ежедневно.

Дома Седунов немного отдыхает, бумажный завал на столе не трогает, надевает чистую рубашку и, набрав номер телефона Анны Горской, сообщает:

– Я уже одной ногой за порогом. Через десять минут буду под твоим окном...

Под её окном на четвёртом этаже надо крикнуть в полный голос: «Анна!», чтобы она открыла ему дверь в подъезде. С собой у Седунова новый журнал, в котором опубликованы его стихи. Будет о чём поговорить.

Так будет легче

Оставалось всего два дня до конца служебной командировки, все дела улажены, и завтра, в понедельник, если ничего особенного не случится, Максим вечерним авиарейсом вылетит в свой южный город. Сегодня у него есть время посетить дом на улице, сохранившей название прежних времён – «Октябрьская».

Он расстался с Галиной пять лет тому назад. Она его первая любовь, вернее, влюблённость, зацепившая его всерьёз.

В институте другом стал Венька Пищальников, курносый широколицый увалень однокурсник. В их дружбе Венька был лидером, инициатором личных дел в свободное время.

Свободного времени оставалось, в общем, немного, по крайней мере у Максима, латавшего прорехи в своём провинциальном образовании. Простоватый с виду Вениамин все предметы хватал с поверхности, контрольные и курсовые делал в один присест и свободного времени у него было много.

Высокий и худой, по-южному смуглый и кареглазый Максим, и плотный телом, короткопалый, обсыпанный веснушками сероглазый Вениамин были неразлучными друзьями. Они словно противоположные полюсы магнита притягивались друг к другу.

При знакомстве вниманием девушек овладевал Венька, а Максим, стеснительно ронявший слова в разговоре, оставался в тени, хотя и замечал заинтересованные взгляды девушек.

Друзья не спеша шли из дискотеки, когда их догнали две девушки. Девушки взахлёб говорили о своём, но Венька сразу нашёл нужные слова, чтобы включиться в их разговор. Девушки пошли рядом. О чём они тогда говорили? Обо всём. Но это было смешно. Аудиторией владел Вениамин.

– Людмила...

Первая протянула ладошку Максиму девушка, идущая рядом с ним:

– А как тебя?

– Максим. – односложно ответил тот.

– Грустный ты что-то, Максим. Кто тебя обидел? – девушка заглядывала ему в лицо и явно смеялась над его смущением.

– Никто меня не обижал! – Максим не знал, о чём говорить с девушкой, как он заметил, старше его по возрасту. Венька, забалтывавший другую девушку, поспешил на выручку. Он понёс такую чушь, что скоро обе девушки покатывались от хохота.

Когда на перекрёстке, расставаясь, Людмила пригласила их в гости, «просто так, познакомиться поближе», Максим вслед за радостным воплем Веньки: «Конечно, придём!», тоже пробормотал что-то согласительное.

– Адрес простой: улица Октябрьская, двадцать пять...

Максим тогда не мог предположить, что по этому адресу живет та, в которую он влюбится по уши. Тогда, в комнате Людмилы, Максим и Вениамин чинно пили чай с пирожками, рассказывали об учёбе. Заходил отец Людмилы, высокий седеющий мужчина, пожав парням руки, ушёл к себе. Услышав звонок входной двери, Людмила оставила гостей минут на пятнадцать – Венька за это время умял остатки пирожков. Людмила вошла вместе с высокой девушкой.

– Знакомьтесь. Моя сестра Галина.

Они внешне были совсем непохожи. Невысокая округлая блондинка Людмила с задорно вздёрнутым носиком – и темноволосая, с узким, чуть с горбинкой носом, неулыбчивыми губами Галина. Глаза и сестёр были одинаковыми – серыми.

– Она тоже студентка, только по другому профилю. Выучится – будет вам лекарства выписывать.

Галина еле заметно улыбнулась.

– Детский врач? – играя под дурачка, спросил Венька.

– Фармацевт. А почему детский? – Галина улыбнулась уже открыто и Максим, во все глаза смотревший на неё, был покорен этой улыбкой навсегда...

В этом доме Максим побывал всего один раз. После лекций, приходя в общежитие, Максим занимал очередь к телефону у дежурной, звонил Галине, ждал с нетерпением, когда её позвуют и, подгоняемый нетерпеливыми: «Кончай трепаться!», «Сколько можно!», «Купи мобилку и виси сколько влезет!», договаривался о встрече.

Максим был влюблён, и ему казалось, что Галина отвечает взаимностью. Она позволяла обнять её, поцеловать в щёку. Держать её руку в своей было для Максима величайшим наслаждением, а случайное касание коленом её колена за столиком в кафе вызывало в нём бурю эмоций.

С Вениамином Максим почти не встречался, на его вопросы, как развиваются у того отношения с Галиной, отмалчивался.

– Ну, Макс, ты втюрился здорово! А дальше что будет? Ты, я вижу, вокруг неё вьёшься, а она, по-моему, в сторону смотрит...

Венькины замечания Максим не хотел слушать.

Приближалась весенняя сессия, и Галочка всё чаще отказывала Максиму в свидании, оправдываясь занятостью.

На преддипломную практику Максима направили в далёкий южный город. На его звонки оттуда отвечала Людмила или младший брат: «Нет Галины дома». Максим позвонил Вениамину, проходившему практику на заводе в том же городе, и получил ответ без комментариев: «Галинка твоя собралась замуж».

Провалившись на жёсткой койке заводского общежития сутки, перебрав в памяти все минуты своих встреч с Галиной, Максим пришёл к выводу: прав был Венька в том, что влюблённость его никогда не находила отклика Галины. Она только тешилась его вниманием, его влюблённостью. Боль от гибели своих надежд, удара по самолюбию, Максим заглушал работой по сбору материала к диплому, по две смены не уходя из цехов, зарываясь в документацию конструкторского бюро.

Дипломный проект Максим защитил на «отлично», и единственный на курсе был приглашён на работу в КБ завода, где проходил практику. Он согласился без раздумий, и перед самым отъездом позвонил Галине: «Я услышал, что ты выходишь замуж? Ну что ж, желаю тебе счастья» – и не стал ждать ответа...

Он уехал в южный приморский город, большой и шумный, поселился в общежитии молодых специалистов завода. За пять лет вник в работу и шагнул в карьере от рядового конструктора до заместителя начальника отдела. Он получил однокомнатную квартиру, обрёл ещё и душевный покой, почти забыв о Галине. За эти пять лет возникали и гасли у него романы с местными девицами. Романы разыгрывались по всем правилам жанра, но сердце Максима так и не раскрылось навстречу ни одной южной красавицы.

Командировка в город его первой влюблённости Максима почти не взволновала. Приехав, он по уши влез в работу, и за все дни не выбрал время побродить по городу, где прошли пять лет его учёбы. Вениамину звонить почему-то не хотелось.

Свободный день, воскресенье, Максим решил посвятить прогулке по городу. В субботу он лёг спать рано, выключив свет, лежал, вслушиваясь в звуки гостиницы – шаги её обитателей, мужские, изредка женские голоса... Так же вот он ложился на койку в студенческом общежитии после проводов до дома любимой Галочки. И даже сейчас, прикрыв глаза, он видел нежный овал её лица и, кажется, даже ловил её дыхание.

В том городе, где он теперь работал и жил, стояла августовская жара, море сверкало чешуёй волн, пляжи полны отдыхающими. А здесь тихо, в безветрии подкрадывалась осенняя прохлада. В городском парке молодые мамы катили по аллеям коляски с младенцами, бабушки

из-под очков подозрительно глядели на него и тут же переводили взгляд на малышей, возившихся неподалёку.

Максим подумал, что Галочка тоже могла бы ему встретиться тут, с коляской, конечно. Венька ему давно сообщил, что Галина вышла замуж за лётчика. Сам Вениамин работал мастером, женился и растил сына.

От парка до улицы Октябрьской всего один квартал. Вот знакомый дом, крыльцо в пять ступенек.

На звонок открыла молодая женщина. Максим спросил Галину Владимировну, и женщина, узнав, кем он Галине доводится, сказала, что у неё рабочий день до трёх. «Заходите часа в четыре, все будут дома».

«Кто это «все?» – подумал Максим. – Может быть, и муж Галины в том числе? Хотя, что в том особенного, если знакомый со студенческих лет, хоть и без приглашения, зашёл увидеться?»

Прикинул на себе, как бы он отнёсся к знакомому мужчине своей будущей жены. За пять лет холостяцкой жизни многое в отношениях полов у Максима прояснилось. Ревновать к прошлому он бы не стал.

Было начало пятого, когда Максим, ещё сомневающийся в правильности своего решения, позвонил в знакомую дверь. Дверь открыла Людмила. Радужной улыбкой она сразу рассеяла все сомнения Максима.

– Здравствуй Макс! Молодец, что нас не забыл! И зашёл как раз вовремя: празднуем юбилей Владимира Семёновича. Все уже за столом, проходи! И никаких возражений!

Компания, видимо, уже подняла пару тостов, о чём говорили порозовевшие лица и оживлённые разговоры.

– Садись, Максим, рядом со мной. Галинка, ты что плохо старого друга встречаешь?

Максим сел на свободный стул между сестёр.

Галина, как показалось Максиму, ничуть не изменившаяся, улыбалась ему навстречу.

– Галочка, здравствуй! – назвал Максим её тем, старым именем.

– Здравствуй, Макс! Как давно мы с тобой не виделись!

Максим оглядел присутствующих. Кроме него, мужчин всего двое: виновник торжества, отец Галины, побелевший и похудевший, и молодой мужчина рядом с женщиной, какая открывала ему дверь утром. Это, наверно, Евгений, младший брат. Полная пожилая женщина, скорее всего мать, с маленькой беленькой девочкой на руках, Людмила, Галина.

Максим попал к третьему тосту – его провозгласила Людмила – как принято: «За любовь». Выпили. Какой может быть разговор в застолье? «Как живёшь? – Нормально. Работаю. Даже по субботам. Я тоже иногда по субботам работаю... У нас там ещё лето...». И далее, в том же ключе.

Девочка на руках у бабушки закапризничала. Бабушка встала, унесла малявку. Слышно было, что девочка продолжала плакать.

Встал из-за стола и вышел именинник. Евгений и Лена, так звали его жену, бурно обсуждали что-то своё.

– Максим, расскажи, как живёшь там, на юге... – Людмила за плечо развернула Максима лицом к себе.

– С Галкой потом наговоришься... Ты ведь не спешишь в гостиницу?

– Нет, не спешу. – в вопросе Людмилы слышался намёк, но Максим сделал вид, что не понял. – А живу нормально. Погода там тёплая, город большой, горластый – южный.

– Как в личном плане? Кольца на руке не вижу, но командировочные их не носят, как правило. Мой муж, например. Говорит, давит кольцо, мешает работать.

– Он в командировке сейчас?

– Работает на севере, вахтовым методом. Месяц там вкалывает, месяц здесь...

– Как у меня в личном плане? – Максим искоса глянул на Галину, – Без изменений... Пока.

Он заметил, как внимательно смотрит на него Галина. Она сидела рядом, мало в чём изменившаяся внешне, может быть чуть пополневшая. Ещё более привлекательная. Её колено случайно коснулось его ноги, и горячий ток, как в те времена, пробежал, толкнулся в сердце.

– Ладно ребята, – Людмила вздохнула. – Женщине пора на покой. Посуду, Галка, не убирай. Я завтра сделаю, всё равно на работу не иду. Бай! – и она ушла.

Евгений и Лена ушли ещё раньше. Максим и Галина остались одни сидеть за столом.

– Отойдём от пустых тарелок. Или ты ещё выпить хочешь? Присядем на диван, поговорим...

Взяв Максима за руку Галина встала и, потянув его за собой, села на диван. Мягкое нутро дивана сдвинуло их вплотную.

«Это виноват, наверно, алкоголь. Меня тянет обнять эту красивую женщину, поцеловать... Ведь тогда я её ни разу не поцеловал».

– Ты, наверное, уже понял, что это моя дочь? Беленькая? В отца. Год с ним прожила и уже три года в разводе. Лётчик гражданской авиации. Жили в Казахстане. Сейчас здесь живу. Заведую аптекой. Это коротко о себе. О муже стараюсь не вспоминать. Как дурной сон... А наши с тобой встречи вспоминаются...

Максим молча глядел, как жалко кривятся губы Галины. «Слов сочувствия и утешения она ждёт. Может быть, большего, воскрешения моих чувств? Нет, тех чувств не воскресить... Остальное понятно. Три года одна, без мужчины, ворошит в себе старое. Обнять её, приглотить, поцеловать и она – чем она отличается от тех женщин, с какими встречался за эти пять лет? – предложит ему остаться с ней сегодня же. И будет то же, что было с другими. А чистое высокое чувство, какое заставляло трепетать сердце студента, исчезнет».

– Уже поздно. Я, наверно, пойду Галочка. Завтра с утра дела.

Максим встал, подал Галине руку, помогая подняться.

В полутёмном коридоре, не открывая входной двери, Галина остановилась перед Максимом, и он её слегка приобнял. Снизу она смотрела ему в глаза.

– Ты ещё придёшь? – голос её был глуховат и тих.

– Приду! Конечно, приду!

Наклонившись и словно не заметив тянувшихся к нему губ Галины, Максим поцеловал её в щёку.

«Первый раз соврал женщине. Так ей легче будет».

Сойдя со ступенек крыльца, Максим облегчённо вздохнул. Теперь в памяти останется только светлая мелодия юности.

Своя норма

Алексей Суков возлежал на топчане, с улыбкой глядя на щелястый потолок и, не раскрывая рта, что-то напевал, то есть гудел в нос. Второй топчан стоял по другую сторону грубо сколоченного из досок стола. Обстановку деревянного домика для руководства студенческого отряда дополняли прикроватные тумбочки и два табурета.

Настроение у Лёши было отличное. Во-первых, его бригада досрочно выполнила дневное задание по уборке помидоров, и он мог поваляться до ужина; во-вторых, Юрий Михайлович Шнурков, ассистент по прозвищу Шнурок, уезжает домой на «помывку», в-третьих, пообещала прийти Таня. И ещё был один момент, доставлявший Лешке удовольствие: в его тумбочке стояла литровая ёмкость с водкой.

Конечно, со Шнурком надо будет обязательно поделиться, иначе грядут неприятности. Шнурок может исключить завлаба из «посредников» с двоечниками, и это лишит Лешку приличного гонорара. Может пустить на кафедре слушок о близости его со студентками. Нет, с ассистентом ссориться опасно!

Суков спустил ноги с топчана и сладко потянулся, предвкушая свидание с Татьяной. В тот же момент дверь домика распахнулась и вошёл Юрий Михайлович. Перешагнув через порог, он стал в излюбленную позу коротышек – расставив толстые ноги и выпятив грудь. Выпуклые голубые шарики глаз грозно уставились на Сукова.

– Ты, Суков, почему отпустил группу с работы до конца рабочего дня!

– Но, Михалыч, группа задание выполнила!

– А ты что, не видел, что моя группа не успевает? Не мог перебросить на помощь?

– Но, Михалыч!

– Юрий Михайлович, ассистент!

– Но, Юрий Михайлович, группы соревнуются, должен быть стимул!

– А товарищеская помощь, солидарность?

– Да они усекут и начнут вольничать. Никакая солидарность не поможет...

Шнурков махнул на Сукова рукой и рухнул на свой топчан с видом страшно усталого человека:

– Сколько времени до автобуса из Тельманового, Алексей?

– Через час примерно пройдёт на город. У вас ещё есть время... по пять капель принять, –

Суков достал из тумбочки и поставил на стол литровую бутылку.

– Откуда это у тебя? – Шнурок резво поднялся и стал рассматривать этикетку посуды. – «Шустов»! Фирма приличная! Что, в забегаловке это продаётся?

«Рассказать ему как дело было, или наврать?» – раздумывал Суков, но опять вспомнил о способностях ассистента допытываться до истины, и сказал:

– Тут за одной студенткой папа прикатил на «мерсе». Попросил отпустить её на сутки домой. День рождения у матери...

– И ты её отпустил? Без моего ведома? – Шнурок опять грозно выпучил глазки. – Я, как старший, отвечать буду, если что случится!

– Да что случится? Папаша солидный... И вот пузырьёк этот преподнёс...

Лешка сорвал акциз и отвинтил пробку.

– На дорожку вам не помешает, Юрий Михайлович...

Шнурок сглотнул слюну:

– Давай по-быстрому. По одной – и я поеду. Я своей Люське заказал ванну подготовить...

Тара у тебя есть?

– Тара на месте. – Лешка достал из тумбочки два гранёных стакана. – Вам как налить, полстакана?

Ассистент Шнурков метнул на Лешку негодующий взгляд, но ничего не ответил, наблюдая, как светлая жидкость цедится сквозь дозатор. Уровень перешёл половину и приближался к верхнему краю.

– Я один стаканчик выпью – и на автобус. – Шнурок вновь сглотнул слюну. – Чем загрызть?

Лешка поспешно выложил на стол помидоры. Себе Лешка налил полстакана.

– Ну, будем! – провозгласил Шнурок, в три глотка опорожнил посуду и заел помидором. Глянул на часы. – Ого, как время скачет! У тебя, Алексей, только помидоры на закуску?

Лешка поёжился, но, подумав, что в такой ситуации скупиться нельзя, из глубины тумбочки извлёк кусок сала и полбатона хлеба.

– Ну вот! – облегчённо вздохнул Юрий Михайлович, – под это можно и по второй вздрогнуть... – Ещё какой-нибудь автобус идёт на город?

– Через полчаса из Павлова пойдёт.

– Припозднюсь я немного. Люська, конечно, пи... поругает, как ты думаешь, Алексей?

Суров пожал печами. Он ещё надеялся, что Шнурок уберётся скоро и не помешает его свиданию со студенткой.

– Вот поеду домой, погреюсь в ванне, полевую грязь смою. – Юрий Михайлович мечтательно прищурил глаза, расстегнул пиджак и попытался откинуться на спинку, забыв, что сидит на табурете. Чудом удержавшись от падения, произнёс совершенно не печатную фразу. Глянул подозрительно на Сурова, который замер с ножом в руке, рывкнул:

– Чего ждёшь? Режь сало!

Лешка смиренно склонился над столом, аккуратно отделяя ломтики. Шнурок подобрел:

– Вот смотри я на тебя, Лёша, и зависть меня берет. Молодой ты! Небось, здесь уже с какой-нибудь пацанкой контакт поимел? А?

Сурков криво усмехнулся. Не пронюхал ли Михалыч про Таньку?

– Юрий Михайлович, стаканчик пододвиньте.

Наливая Суров наблюдает за Шнурком, а тот – за процессом. Стакан полон доверху. Себе Суров наливает меньше половины стакана.

– Ну, поехали! – Шнурок выпивает до дна, занюхивает ломтиком хлеба. Ухватывает ломтик сала. Жуёт молча. Лицо его заметно покраснело, глаза блестят влагой.

– Это хорошо, Лёша, что пьёшь ты умеренно. Водка, она... Сам знаешь... Если нормы не придерживаться... Я, вот, свою норму знаю!

Лешка наблюдает, как ассистент, чертыхаясь, пытается стряхнуть мякоть помидора со своего пиджака.

– Вот угораздило! – бурчит Шнурок, – От Люськи будет полный... разгон.

Лешка, глянув на часы, пытается изменить ситуацию:

– Юрий Михайлович, а как там ванна? Не остынет?

– Ты, завлаб, не остри! Молод ещё преподавателю советы давать... Сколько до автобуса?

– Минут двадцать...

– Тогда давай на посошок... И всё. Точка...

– Хватит? – спрашивает Лешка, налив стакан Шнурка до половины. – Вас в автобусе может развезти...

– Кого развезти? Меня, что ли? Меня – никогда... водка не брала! Наливай! Давай третий тост «за любовь». Офицеры пьют стоя!..

Михайлович пытается встать, но это ему не удаётся, водка выплёскивается ему на брюки.

– А ну, салага, долей! За любовь только по полной... Тебя, впрочем, это не касается...

Лешка себе не наливает.

Шнурок делает глоток с усилием, второй... Водка льётся у него изо рта на рубашку, лицо становится пунцовым. Голубые глаза-шарики страдальчески таращатся, стакан валится из рук.

«Эге, дело плохо!» Лешка выбегает из-за стола, подхватывает Шнурка, волочёт к двери.
– Меня... куда? Меня на койку... Я тебе, Суров, приказываю.

Лешка волоком перетаскивает ассистента через порог, тащит к сарайчику, где хранится инвентарь, накидано сено. На это сено он и укладывает своего начальника по командировке.

Сев на топчан, Лешка некоторое время думает, подперев ладонями узкое горбоносое лицо. На столе перед ним огрызки помидор, куски хлеба, лужа разлитой водки. Всё это надо убрать до прихода Тани. Он включает освещение – одинокую лампочку без абажура, свисающую над столом.

Утром Лешка делает что-то похожее на зарядку и выходит во двор за сарайчик по мелким надобностям. Из сарайчика доносится храп Юрия Михайловича Шнуркова. Жив-здоров, значит, начальник. Пусть спит, до завтрака ещё есть время.

В домике Лешка одевается, достаёт из тумбочки бутылку. В бутылке немного жидкости, не более стакана. Он опять прячет бутылку в тумбочку. Вчера Тanya пить водку отказалась. Но во всём остальном была согласна. В том числе, что отношения их не предполагают чего-то серьёзного в будущем. В общем, расстались после пары часов общения вполне довольные друг другом.

Лешка завалился на топчан в ожидании завтрака, прикидывая место и время дальнейших встреч с Татьяной.

Дверь домика с треском отворилась настежь, и появился ассистент Шнурков. Вид его был далеко не джентльменский. Во всклокоченных волосах торчали стебли сена, на лацканах и полах пиджака красовалось вчерашнее меню, брюки до колен и туфли в засохшей грязи.

– Лёша! – слова еле протискивались сквозь стиснутые зубы Шнурка. – Лёша! Ради Бога, полстаканчика...

Шнурок держался за лутку двери, его качало во все стороны.

– Михалыч, держись! – достав бутылку, Лешка вылил содержимое в стакан и поднёс Шнурку.

Дрожащей рукой Шнурок принял стакан, поднёс ко рту – стакан стучал о зубы. Выпил.

– До койки... Помогите мне, Лёш!

Грузно упав на топчан, Шнурок поджал ноги и попытался накрыться полкой пиджака.

– Группу... Выведи. на работу.

– Ладно, Михалыч. Отдыхай.

«В своей норме!» – усмехнулся Суров и вышел из домика, прикрыв дверь. Студенческий лагерь ожил. Гремели алюминиевые умывальники, стучали ложки по тарелкам в палатке пункта питания, пробежали опоздавшие... Впереди был ещё один день борьбы студотряда за урожай!

«Облом»

С Николаем Ивановичем Эля познакомилась на весеннем вернисаже городских художников. Она стояла перед намалёванными на листе фанеры ломаными фигурами, пытаясь сопоставить нарисованное с названием картины. Остановившийся рядом темноволосый, невысокого роста, лысоватый мужчина засматривался скорее на неё, чем на продукт местного абстракциониста.

– Это ваша работа? – спросила, обернувшись к мужчине, Эля. – Вы ведь художник?

– Я художник, но традиционалист. Мои работы вон там, и он показал на несколько небольших полотен, изображавших уголки города, написанные размашисто и красочно.

– Нравится? – заглядывая в Эле в глаза, спросил мужчина.

Эле льстило внимание известных чем-то лиц, и она всегда готова была познакомиться.

– Очень! У вас, наверное, есть ещё работы? – спросила Эля, ожидая улыбаясь.

– Конечно! В мастерской и дома. Дома – любимые, с какими не расстаюсь... Пока, конечно.

– Вот бы их увидеть!

– Нет ничего проще. Вот мой телефон, – мужчина протянул визитку. – Звоните, договоримся...

Николай Иванович был разведённым, предпенсионного возраста бодрячком, и скоро Эля практически в любое время могла зайти в его однокомнатную квартиру, заставленную картинами, с листами бумаги и эскизами на столе, с запахами красок и растворителей. Были ещё два шкафа с книгами, широкий, всегда разложенный диван, и телевизор. Эля как-то незаметно перешла на «ты», а Николай Иванович был очарован её непосредственностью, лёгкой фигуркой, её ответными несмелыми объятиями и поцелуйчиками в щеку: «Фу, опять не побрился!»

Она внимательно слушала его разговоры об искусстве и смеялась над сплетнями о коллегах по работе. Ему она рассказывала о своих походах на дискотеку: «Опять ко мне дебил один клеился...», о встречах с местным бомондом в обществе «Эстрада», о проделках с подругами на пляже – в общем, всё или почти всё о своей жизни. Она не касалась в разговорах только одного: своих отношений с Игорем, студентом университета, смазливый парнем года на два её моложе. Ей было двадцать два года.

Николай Иванович иногда, выставив бутылку лёгкого вина, намекая на более близкие отношения, например, выпить на брудершафт, но Эля это решительно отвергала, подчёркивая, что этого она «никому-никому» не разрешает. О том, что она близка с Игорем, что его поцелуи её возбуждают, незачем знать «старичку», как называл заочно Николая Ивановича Игорь, осведомлённый – в необходимых пределах, конечно – о знакомом художнике.

Пока её устраивали эти двое мужчин – обожающий её «старичок» и ушастый мальчик с нежным пухом на щеках и тёплыми мягкими губами.

В этот вечер Эля задержалась у Николая Ивановича. После традиционного угощения – кофе с печеньем и конфетами – смотрели кинобоевик по телеку, расположившись на диване. Эля лежала головой на руке Николая Ивановича, держась своими тонкими пальцами за его тёплую крепкую руку. Ей было хорошо в этой невинной близости, спокойно и уютно.

– Ты проводишь меня? – спросила Эля, заранее зная, что «её старичок» в прогулке по городу не откажет.

Держась за руку Николая Ивановича, Эля шла, иногда в шутку толкая его, болтая обо всём. О своей работе на складе бытовой техники, о своём начальнике, о грузчиках-алкашах, пытающихся привлечь её внимание, опять о парнях на дискотеке...

У подъезда её дома Николай Иванович, более дальнорский, увидел сидящую на скамье фигуру. Скорее всего, мужчину. Получив от Эли дежурный поцелуй в щеку, он почему-то не

пошёл сразу по улице, а остановился за невысокими кустами. Сейчас Эля должна была пройти мимо сидящего и зайти в подъезд. Вместо этого Эля подошла к мужчине, села к нему на колени и обняла его. Он увидел, как они долго неотрывно целовались... Тогда он повернулся и быстро пошёл прочь, охваченный чувством потери.

– Алё. Склад слушает, – Эля замолчала, ожидая заказ клиента. – Это я, – голос Николая Ивановича показался Эле сухим. – Сегодня можешь прийти?

– А что случилось? Что вчера забыл сказать? – телефон молчал. – Постараюсь, конечно...

– Постарайся, – разговор оборвался.

Теряясь в догадках, Эля особо тщательно подкрасилась, коснулась «пробником» за ушами, чего никогда не делала перед встречей со «старичком». Николай Иванович, как всегда, принял её куртку, пригласил к себе. Хрустальная ваза с конфетами была уже на столе, банка кофе тоже.

– Присаживайся, – он сел перед ней на стул, как обычно, позволил взять свою руку.

– Рассказывай.

– Что рассказывать? – Эля удивилась такому началу разговора.

– Тогда я спрошу тебя, и не смей обманывать, – Николай Иванович глядел Эле в глаза. –

Кто вчера встретил тебя у подъезда?

«Он всё видел. Соврать или сказать правду?»

– Это был Игорь. Ты его не знаешь, я тебе о нём не рассказывала.

– Бойфренд? Давно?

– Можешь и так его называть. Мне с ним приятно... Давно.

Николай Иванович отвёл взгляд и высвободил руку. Он молчал, наблюдая, как Эля не спеша, деланно спокойно пила кофе. Он не пил, скручивая в пальцах фантик от конфеты.

– Нам надо расстаться, Эля...

– Зачем? Тебе будет скучно без меня...

– Переживу. Не хочу «секонд-хенда» в наших отношениях...

– Глупо. Но, в общем, тебе видней... – она хотела попросить проводить её, но передумала.

Было ещё рано.

Она шла к остановке по тёмной, но пока оживлённой улице. «Он позвонит... Он позвонит...» Прохладный ветер октября переметал опавшую листву. Ей было неприятно, что всё так случилось. «Облом... И чего это Игорёк привёлся, не предупредив?».

Тревожный голос

Бабка Анютка – так её всё звали, и она давно привыкла, – ложилась спать рано. Перед сном, как обычно, помолилась перед образами. Образа были современные, отпечатанные на картонках: Богородица с младенцем Христом и угодник Николай в бумажных окладах. Старые доски сторели прошлый год вместе с занавесками, полотенцами и корзиной белья, не убеждали себя небожители. Молитв бабка никаких не знала, привычно выкладывала богу все свои заботы и горести, не считая зазорным упомянуть о мальчишках, разбившим мячом окошко в сарайчике, и ещё о том, что на ближнем участке совхозного сада после уборки яблок совсем не осталось, а на дальнем сторожа гоняют, не дают подбирать падалицу, по приказу директора. А куда она ему? Во дворе складском пуды яблок гниют, съёмных, за которые приезжим шабашникам такие деньги плочены!..

Бабка засыпает сразу, но спит чутко, словно сторожит что-то. Это, наверное, от того, что разговорилась сегодня с поселенной недавно ветеринаршей. Временно ту поселили в клетушку рядом с бабкиной комнаткой. Из одного коридорчика вход. Это всё комендантша, могла и поприличней найти, хоть и временно. А ветеринарша, или как теперь зовут, зоотехник, худенькая такая. Молодой специалист. Вежливая, Анной Петровной зовёт. Всё выспрашивает, как да почему. Уехала на воскресенье к сестре старшей в город. Ну, бог с ней. Только вот память разворошила.

Бабка просыпается и лежит с открытыми глазами, смотрит на белое пятно печки. Сквозь щели дверцы светится огонёк. Когда прогорит, можно и прикрыть тягу. Бабка прикрывает глаза и сами собой возникают картины прошлой жизни, муж Михаил, пропавший в войну ещё когда она была на окопах. Вчера ветеринарша, Верой её звать, ещё спросила, была ли она, бабка, замужем.

С недоверием так спросила. Ну, это молодое дело, не доверять, или как. И кто здесь об этом знает! Никто. Раз-два, да и обчёлся, кто помнит её молодую, опухшую от голода, прибывшую к этим местам случайно, в первый год войны. Тогда недели три, а то и больше, пешком из-под самой Москвы, куда поехала по вербовке, пробиралась. Под бомбёжкой и обстрелом была. Когда на открытой платформе ехала уже к своей станции, узнала знакомую бабу, почти соседку. Та поначалу от неё шарахнулась, не узнала, а потом, плача в голос, всё обсказала: обоих дочек бабки Анны схоронили, померли от поноса, и Душка, старшая сестра, у какой девок своих оставляла, тоже померла.

Не заплакала она тогда, слова не сказала, а собрала свой узел с матрасом да новым пиджаком, купленным с первой полочки на стройке, да и спрыгнула на всём ходу здесь. Покатилась по насыпи, что куда. А самой всё равно, пропади оно пропадом.

Ничего, поднялась. Коленки сбила, щёку всю ссадила. Кровь шла даже сперва. Ещё парню, с которым вместе выбирались после того, как их эшелон разбомбили, рукой помахала. Он дальше поехал. Не видала того парня после никогда, ему год призываться подошёл, видно, сгинул на фронте. О муже потом уж бумажку переслали, что пропал без вести...

Бабка долго не может уснуть, её томит чувство какой-то тревоги. Она прислушивается к тишине, и та кажется ей необычной. Она, правда, тут же вспоминает, что Вера уехала, а молодые, живущие в комнате за стенкой, как всегда в субботу, ушли в гости к теще, и не слышно ни музыки, ни перебранки, ни плача трёхлетнего Димки.

Наконец бабка задремала. Сколько она проспала, не поняла, но проснулась от явственно услышанных слов, так памятных ей с военного времени: «От Советского Информбюро...»

Бабка опустила с кровати ноги в шерстяных носках своей вязки, нащупала бурки и надела их. Замерла, прислушиваясь, и опять откуда-то издали голос, знакомый с тех давних лет, торжественно и грозно даже, продолжал говорить, но слов бабка разобрать не могла.

«Батюшки! Да ведь это...». Бабка Анютка засновала по комнатке на подгибающихся ногах, нашла и накинула на плечи вытертое плюшевое полупальто, наскоро повязалась тёплым платком. Куда теперь?

На улице бабку встретил холодный сентябрьский ветерок. Небо, днём затянутое облачной пеленой, расчищалось, и звёзды глядели на мороз, который под утро всё чаще стал навещать в гости, золотя листья берёз в лесопосадках, убирая землю и всё на ней в тонкие иглы инея.

Улица спала. Окна домов в рамах наличников смотрелись тёмными пятнами, только далеко, у конторы совхоза, над будкой проходной сокодавки, покачиваясь, светила несильная лампочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.